

Лето в Коми

Лето 1963 г. запомнилось мне по ряду причин. Одной из главных была поездка с отцом в республику Коми, в составе полевой экспедиции Кафедры ботаники высших растений ЛГУ по сбору коллекций северной флоры. То лето, теперь уже сорок лет назад, впервые дало мне возможность побывать с отцом в *его* рабочей обстановке, пожить и даже поработать, пусть недолго, бок о бок с теми, кто были его учениками и сотрудниками, младшими коллегами по кафедре. Конечно, иногда мы встречались с коллегами отца по Университету и Академии наук дома, когда мама устраивала парадные приемы (как я поняла позже, в честь чьей-нибудь защиты диссертации или получения награды). Некоторые, бывало, заходили к нам домой по делам, благо мы жили недалеко от Университета и биологического факультета, где отец преподавал с середины 1950-х годов и был деканом в 1960-х. Году в 1954 старший брат Юрий однажды провел целое лето с отцом, который тогда работал на о-ве Сахалин. Приезжая с Сахалина в отпуск, отец иногда брал нас с собой в БИН, где мы могли тихо сидеть под столом в кабинете или гулять по Ботаническому саду, заходить в оранжереи. Но в 1963 г. я еще только начинала поездки в походы и путешествия – сначала к родным матери в Белоруссию, потом на Кавказ, а вскоре и впервые за границу.

После окончания школы я начала работать в Институте этнографии АН СССР, где совмещала службу в секторе Африки с учебой на восточном факультете ЛГУ. По должности научно-технического сотрудника отпуск мне полагался на две недели, так что ехала я не на полный срок экспедиции. Мы летели в Сыктывкар, а оттуда на Вычегду, и возвращалась я, оставив отряд в поле. Лето было теплое, северное солнце согревало воду в холодных реках и прогревало вечную мерзлоту леса и тундры. Запомнились контрасты тогдашнего Севера: в город пришел пароход с грузом болгарских помидор, и они продавались с лотка на перекрестках Сыктывкара, но на селе овощей не было, картошку еще не копали, и в столовой поселка, куда мы выехали на сборы гербария, подавали гороховую кашу. Запомнились рыбные пироги хозяйки и ее «двор» — двухэтажная бревенчатая изба с жилыми комнатами по левую руку и хозяйственными помещениями по правую. Там внизу находился скот, а наверху был рабочий

чердак — за складом инвентаря дыра в полу располагалась как раз над столом и навозом, собирая удобрение для использования на придусадебном участке.

Мы задержались в Коми недолго, но успели выкупаться в мощной Вычегде. Отец проводил несколько дней в Коми филиале Академии наук, где самой для меня памятной встречей было знакомство с сотрудником, известным своим иммунитетом к комаринym укусам; впрочем, завидовать ему не приходилось, достаточно было одной мысли о том, что иммунитет был приобретен ценой бесчисленных укусов. Антикомариные средства тогда было достать трудно, и часто они отличались повышенным содержанием ядовитых веществ, так что даже если они и были в наличии, мы старались употреблять их понемногу. В поле легко было убедиться на себе, что насекомые имеют систему оповещения и быстро собираются на «пир». Войдя ли в лесок для сбора орхидей (грушанки) или выйдя на

А. И. Толмачев на плантации борщевика под Сыктывкаром

солнечный луг, украшенный полевой гвоздикой и скабиозами, мы неизменно замечали, как откуда-то слетаются комары несчетными полками. Дома в кабинете висел снимок кепки, сделанный в тундре; на кепке два слоя, ткани — и комаров. Под кепкой на фото — мужская голова. Кепка была любимым летним головным убором отца и в городе, и в экспедиции.

Из Сыктывкара мы вылетели на восьмиместном самолете, где пассажиры сидели двумя рядами лицом к лицу. Летели невысоко и с болтанкой; пассажирки, сидевшие напротив, приготовились к тошноте с мешочками в руках. Билеты были недорогие, и вскоре я столкнулась с одной из особенностей северной транспортной системы. Сочетание вечной мерзлоты и дешевого авиаотранспорта приводило к тому, что грунтовые дороги прокладывались, но не строились как должно. В районах лесодобычи — таких, как в лесах республики Коми — мощные грузовики были в порядке вещей. Но и мощные грузовики не всегда могли справиться с летней распутицей — дорогами, проложенными даже без гравия по раскисшей от прогрева вечной мерзлоты почвой. Возвращаясь на таком грузовике в Сыктывкар, чтобы лететь домой, мы застряли в черном месиве. Сначала я наблюдала за усилиями шофера с долей восхищения его готовностью ко всем обстоятельствам, помимо инструментов он вез и трос, который обмотал вокруг ствола мощной сосны. Но когда трос лопнул, а машина так и осталась в глубокой колее, оставалось рассчитывать только на помощь встречного грузовика, который в конце концов нас и выручил. Речной транспорт местного населения — деревянные плоскодонки с переносным мотором — перестал манить рыбакой и предстал жизненной необходимостью в kraю, где природа и государственное планирование не нашли общего языка.

Тогда я еще не знала, что местные лесозаготовки еще в недавнем прошлом часто обслуживались заключенными ГУЛАГа. Не знала я и что Ухта, где работал тогда уже покойный брат отца Павел Иннокентьевич, была сравнительно недалеко. Радиохимик по специальности, «дядя Люся» (от детского «Павлюся») работал на Ухте над производством ядерного топлива для советской атомной бомбы и умер от лучевой болезни в 1949 г. И он, и отец в какой-то степени должны были знать о лагерях, их заключенных, об арестах коллег. Знать и переживать об этом: в какой-то момент, уже после XX съезда КПСС, отец сказал: «Я тоже писал Сталину». Не зная о многом и многое, не понимая даже после знаменитой речи Хрущева, мы, дети, тем не менее соприкоснулись с миром репрессий, если не в открытую, но все же непосредственно. В квартире бабушки в академическом доме на Васильевском острове, куда семья переехала из эвакуации после войны, боковая комната с отдельным входом из кухни была отведена первое время после нашего возвращения вдове и сыну Н. И. Вавилова, крупнейшего советского ботаника-генетика, погибшего в заключении после нападок Лысенко. Его брат, тогдашний президент Академии наук СССР С.И. Вавилов, видимо, не считал возможным предоставить угол семье покойного брата, а бабушка, мать отца Евгения Александровна Толмачева-Карпинская, их приютила.

Другой случай долго хранился в тайне. У нашей мамы Зои Николаевны, урожденной Тропашко, были замечательные темные волосы, длинные и густые. Мы не раз слышали в детстве, что ее люди спрашивали, почему волосы у нее на голове черные, а кончики рыжевато-коричневые. Эта невинная история оказалась «с подоплекой», что обнаружилось недолго до моего отъезда в Соединенные Штаты в 1972 г. В автобиографии, составленной для «первого» отдела, которую отец дал мне прочитать, он писал, что цвет волос послужил поводом для ареста Зои Николаевны. В заключении она пробыла год без предъявления обвинения. Власти не нашли «состава преступления». Это произошло еще до ее знакомства с отцом, но он был поставлен в известность о случившемся. Мне думается, что, вступая в брак с Зоей Николаевной в конце 1930-х годов, отец проявлял не только любовь к ней, но и гражданское мужество.

В отряде экспедиции в Коми я была «добровольцем» по сбору и закладыванию растений в гербарные папки. Когда спустя несколько дней Александр Иннокентьевич присоединился к отряду, Наташа Варгина и Галя Постовалова использовали светлые вечера, чтобы показать ему собранные коллекции для определения или уточнения вида. Пожалуй, именно тогда у меня возник интерес к флоре, в отличие от просто «цветов» или индивидуальных растений. С детства мы знакомы были с историей растений, скромных, как картофель и экзотических, как агава; в частности, по книге Н. М. Верзилина «Путешествие с домашними растениями». Дома у нас всегда было зелено, и сестра Татьяна Александровна до сих пор ухаживает за растениями, которые приобрела или посадила мать. На даче летом мы ездили на велосипедах из Комарова в Зеленогорское садоводство покупать специально составленные букеты на день рождения бабушки Евгении Александровны (23 августа). Однако эти линии не сплетались: мы, дети, при интересе к ботанической экзотике, не занимались садоводством, это оставалось маминой заботой. Отец не проявлял ни малейшего интереса к домашним и садовым растениям и дачи не любил, предпочитая выезжать за город на юг, под Лугу, где проводил летом время в детстве и где природа весной пробуждалась раньше. Но когда я в 1964 г. поехала учиться в Сирию в первой группе студентов по советско-сирийскому обмену, то я использовала каждую экскурсию за город и поездку по стране для сбора образцов сирийской флоры. Собрать — одно, а доставить на родину — другое. Вес и объем багажа для возвращающихся студентов был ограничен. Таможня была строгая и придерчивая с обеих сторон, но интересовалась, прежде всего, информационными материалами, потребительскими товарами и провозом драгоценностей. Знакомые были готовы к просьбам «прозвезти» очередной мохеровый шарф, но не понимали, кому нужны коробки с высушеными образцами, закрепленными на листах писчей бумаги. Однако свет не без добрых людей, и знакомые, возвращавшиеся пароходом, согласились помочь. Теперь эти скромные сборы с латинскими этикетками, цитирующими Дамаск, составляют часть коллекции гербария Петербургского университета.

Летняя экспедиция 1963 г. в Коми в сочетании с книгой Верзилина пробудили во мне и интерес к истории ботаники. Накануне поездки мне пришлось задуматься о теме научной работы в Университете. На восточном факультете я училась по специальности «История арабских стран», а в Институте этнографии занималась арабскими источниками по Африке. Первая моя курсовая работа по арабистике была написана по вопросам источниковедения, но начало проявляться и интерес к истории науки. В Дамаск я ехала с намерением изучать наследие средневекового арабского ботаника-фармаколога Ибн ал-Байтара. Поработав в библиотеке Захирий Сирийской Академии наук и встретившись с президентом Академии д-ром Шихаби, который оказался автором арабско-французского ботанического словаря, я надолго сохранила интерес к истории ботаники и к этноботанике. Правда, Ибн ал-Байтаром я так и не занялась, увлеквшись темой по истории арабской географии; в этой области я периодически работаю и до сих пор. Но как ни странно, даже эта смена направления напоминает мне об отце и его пути в науке. В юности он мечтал быть зоологом и навсегда сохранил удивительную способность рисовать животных и сценки «африканского» типа несколькими быстрыми штрихами карандаша. Однажды я нашла стопку изображений экзотических животных — зебр, слонов, жирафов. Аккуратно написанные гуашью картинки оказались набором домашнего зоологического лото, которое создал юный «Сантик» (семейное ласкательное от детского «Алексантик»). Поездка на Таймыр в экспедиции Б. А. Федченко в начале 1920-х годов склонила отца навсегда к ботанике и географии растений, а также привила любовь к Северу.

Другой его любовью были горы, но не по Высоцкому, для кого «лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал». Отец, редко бравший настоящий отпуск, регулярно возвращался в места, где уже работал, и учреждения, где у него были ученики и коллеги. В

ходе Великой Отечественной войны многие академические учреждения были эвакуированы в Среднюю Азию. Жившие поначалу в Архангельске, потом в Коми, родители, которые встретились во Владивостоке, теперь оказались в столице Таджикистана Сталинабаде (ныне Душанбе), где и родились мы с сестрой. Отец был прикомандирован к филиалу Академии наук СССР, заложившему основы Академии наук Таджикской ССР (1951). Большую часть года он работал в филиале, а летом выезжал в поле, что в местных условиях означало в горы. Это был его первый опыт работы в альпийском высокогорье, и он не раз потом возвращался в Среднюю Азию.

Южные республики не голодали в войну в той мере, как европейская Россия, но продукты тоже шли по карточкам. Зарплаты отца не хватало, мама зарабатывала машинописью больше его оклада. Однажды на весь месяц по карточкам выдали только мешок репчатого лука. Мать рассказывала, как меня застали у мешка в слезах: голодная, я ела сырую луковицу, хотя слезы катились по щекам. Мы жили в окруженному садом корпусе Обсерватории, там и играли — брат с русскими и таджикскими мальчиками, у которых он научился разговорному таджикскому языку, а мы с сестрой — друг с другом. Иногда ходили с мамой в филиал, где на больших наружных ступеньках сидел старик, продававший лепешки, как сейчас помню, серые были по три рубля, а белые — по пять, но серые нравились больше. Вкус запомнился. В 1969 г. я была в Таджикистане впервые с отъезда в 1947 г. В аэропорту мы встречали коллегу, летевшего в нашу экспедицию из Москвы. Ожидая рейса на улице, купили местные лепешки. Я откусила кусочек, и поняла, что я в Таджикистане: рот наполнил вкус «тех» серых, трехрублевых лепешек!

После снятия блокады с Ленинграда в Сталинабад эвакуировалась бабушка Евгения Александровна, и хотя она иногда делилась своими воспоминаниями о тех днях, в памяти сохранилось только одно: «как мы ходили смотреть луну». Мы с сестрой были двойняшки — редкий тогда случай выживания близнецов, да еще в войну. Бабушка была низенькая, но крепкая: она перенесла блокаду, когда две ее младшие сестры, жившие в Ленинграде вместе с ней, погибли от голода. Бабушка брала одну из нас на одну руку, другую — на другую руку и выходила с нами в сад смотреть на луну. Видимо, этот вечерний ритуал, возможный только в южных условиях, успокаивал нас перед сном.

Летом 1947 г., перед нашим переездом в Ленинград, помню походный лагерь на Варзобе. Отец был в экспедиции, мы поехали к нему на «виллисе», не зная тогда ничего о «ленд-лизе» и как такие иностранные машины могли оказаться в Советском Союзе. В горной речке мы впервые увидели водяных змей. Купаться в бурливой горной воде было опасно, брат как-то поскользнулся на мокрых камнях и разбил голову. К счастью, мы тогда не знали, что водяные змеи часто ядовиты.

Альпийская флора способствовала пробуждению у отца серьезных размышлений о географии растений, о происхождении и распространении видов. На эти темы он вел оживленные дискуссии и переписку с коллегами как на Кавказе, особенно в Грузии, так и за рубежом. Он радовался пробудившемуся во мне после экспедиции в Коми интересу к ботанике и делился соображениями и оттисками работ исторического плана. Мне как гуманистичному человеку было любопытно узнавать о сравнительных исследованиях Клода Фаварже (Claude Favarger) в Швейцарии и Вавилова в СССР в сопоставлении с лингвистическими теориями Марпа и Мещанинова. Если путешествия Вавилова убедили его, что некоторые злаковые — выходцы с Абиссинского нагорья или из Афганистана, а Фаварже видел в горной среде фактор видового разнообразия растений, то в работах Марпа особое место уделялось горам, и особенно Кавказу, как языковой среде. Любопытно, что намного позже знание истории культурных растений органически вошло в методику моего преподавания курса истории мировых цивилизаций.

Были и другие точки соприкосновения. Еще учась в университете в начале 1960-х годов, я сопровождала отца на совещание в МГУ. На одной секции с ним выступал антрополог Дебец, которого я знала по Институту этнографии. Когда пришел перед отца, слушательницы у меня за спиной зашевелились. Одна прошептала: «Этот всегда хорошо говорит». И действительно, отец говорил живо и «без бумажки». Уже после защиты кандидатской диссертации я опять поехала с отцом, на этот раз в Баку на Всесоюзное совещание по растительности высокогорий с поездкой в Ленкоранский заповедник, находившийся в «закрытой» области (1971). Было приятно услышать от одного из участников, что отца все еще помнили и ценили на Сахалине, где он проработал восемь лет; что отца помнили и ценили в Коми, Таджикистане, Крыму и на Кавказе, я уже знала.

То далекое лето в Коми напоминает о себе иногда неожиданным образом. Приехав в Ленинград из Соединенных Штатов после Олимпиады 1980 г., я увидела в универмаге ДЛТ две деревянные маски с меховой опушкой. Они оказались сделаны в Коми АССР. Для меня эти непроданные сувениры, подготовленные к Олимпиаде, стали сувенирами Коми, и я их бережно храню в Америке. Возвращаясь из Сыктывкара в Ленинград в июле 1963 г., я везла подарок невесте брата, чья свадьба состоялась в августе. Этим летом брат отпраздновал сороковую годовщину свадьбы. И еще одно кольцо замыкается в сентябре 2003 г.: Александр Иннокентьевич Толмачев родился в Санкт-Петербурге, провел отчество в Петрограде и большую часть жизни — в Ленинграде. Ныне город вернул себе первоначальное название, а республика Коми смотрит в новое будущее. Приятно знать, что как и подобает, столетие со дня рождения отца отметят и в Коми, и в Санкт-Петербурге.

М. А. Толмачева,
дочь А. И. Толмачева

О любви и разлуках

Над моим письменным столом две фотографии — папа и мама. Хорошие лица — мама улыбается, папа сдержанно сосредоточен. Я гляжу на них часто, думаю об их характерах, о жизни, о судьбах. Выше на стене — портреты старших предков: дедушки, бабушки, прадедушки, и так пять поколений, более ранних портретов не сохранилось. Мне приятно, что лица их не в альбоме, а смотрят на меня со стены и таким образом участвуют в моей сегодняшней жизни. К ним ко всем я чувствую огромную благодарность за то, что их пути когда-то соединились, и в результате возникла моя жизнь.

И вот 21 сентября 2003 г. папино столетие! Звучит важно, весомо. Хорошо, что я могу понимать и помнить, печалиться и прощать. Александр Иннокентьевич Толмачев, когда ботаники произносят его имя, я чувствую и гордость, и частенько некоторую горечь, потому что профессионально глубоко и капитально он принадлежит им, а мне досталась столько разлук и ожиданий. Вся наша совместная история — это история любви и разлук. Чтобы совершенство не углубиться в свои печали, тут я постараюсь остановиться и рассказать не свою, а отцовскую биографию. Возможно, я вспомню то, о чем другие не знают.

Отец Александра Иннокентьевича, Иннокентий Павлович Толмачев, приехал учиться в Петербургский университет из Иркутска. Получив широкое образование и в Петербурге, и за границей, он связал свою жизнь с геологией, палеонтологией, географией, и, безусловно, его исследовательские интересы крепче всего были связаны с Сибирью.

Мать Александра Иннокентьевича, Евгения Александровна Карпинская, старшая дочь геолога — академика Александра Петровича Карпинского, получила великолепное образование: и филологическое, и естественное. Она владела множеством иностранных языков, была женщиной широких взглядов и твердого характера. Какое-то время она училась в Мюнхене, в Германии, сохранилась версия, что именно там эти два ярких человека и встретились.